

since θ is between
and 2π , $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Светлана Леонтьева

Полынь-ягода

Светлана Леонтьева

Полынь-ягода

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Леонтьева С. Г.

Полынь-ягода / С. Г. Леонтьева — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Действие главных героев повести происходит в наши дни. Поэтому происходящее разветвляется на записи в социальных сетях, монологи, диалоги, письма. Многие из нас привыкли получать разного рода сообщения по электронной почте, мессенджеру. Но бывают такие события, которые закручивают гайки самостоятельно без каких-либо усилий. И вопрос в том - кто ты? Человек сам себе предоставленный или нужный для чего-то. Каков замысел вселенной? И неожиданный толчок - извне, из писем чужого человека: у вас есть дедушка! Поэтому поиск главной героини - найти своего настоящего деда, а не того, кого предложили со стороны. И следы родного деда привели Агату в далёкую деревню в Сибири...Многие действия Агаты кажутся хаотичными, то она бросается спасать человечество всё целиком, но оказывается, что даже не сможет спасти себя от неудачной, невзаимной, но роковой любви.

Светлана Леонтьева

Полынь-ягода

ЧАСТЬ 1

КУШ

Запись на странице в социальных сетях:

...искать пульс. Ищу его на запястье. Ищу его в воздухе. Ищу его везде, где могу: в сквозняке, дожде, снегу, сидя в трамвае, дыша на замёрзшее стекло. Дышу и ищу. Думаю и ищу. Не потому что боюсь, мол, не найду. А потому что пульс человека – это часть матрицы. Часть общего. Никто об этом не знает, лишь я, трогающая эту пульсацию, находя жизнь. Ощущаю везде: на лекции в университете, в пустом, медленно движущемся автобусе, грузном, ползущем по городу вечернему, из него, как из некоего сосуда выплывают рыбками люди в пространство вечера, и теперь автобус проезжает мимо кладбищ, магазинов, торговых центров, рекламных щитов. Не цареградских. Я ищу пульс на запястье, сидя на поленице за сараями, потому что я маленькая тогда была и любила лазить с мальчишками, соперничая, кто быстрее и ловчее. Я всегда побеждала. Я ищу пульс в машине скорой помощи, когда меня везут уже старую, столетнюю старуху, наверно, я тогда разболелась чем-то возрастным, например сердцем. Но сердце – это часть пульса. И я нахожу его тонкую, цыплячью вздрагивающую нить. Я люблю пульс, когда он бьётся, как сумасшедший словно сам по себе в мироздании, в моей шее, в горле. Я нахожу свой пульс в узком коридоре роддома, в своём огромном животе. Я помню, как я сидела в комнате, душной, полной каких-то бабочек, чего-то порхающего между рам, мотыльков, и я думала, что мне надо нажать на запястье, чтобы найти пульс. Свой. Твой. Его. Мой. Я искала пульс, меня обнимали ветками кусты, прижимались ко мне деревья. Мой пульс что-то кричал мне, когда я ехала в долбаный онкологический центр за результатами скрина. А точнее отщипа кусочка ткани из меня, ибо иначе невозможно было понять, что со мной творилось. Я слышала, как бьётся пульс, читая книги. На съёмной квартире, на даче, в комнате у бабушки, где вечно ругались соседки на кухне. Я слушала его удары, листая страницы учебников по филологии, Канта, Якобсона, Маяковского, «Этику», «Капитал», антологию русской поэзии. Тогда все бастовали, жгли Белый дом, дом Советов, толкались на рынке, в Канавино, на Мещере, на Болотной площади и Марсовом поле. Я плакала и хотела от тебя уйти, я прижимала детей, гладила их по голове, а пульс сам по себе вырыдывал свои ритмы. Я просто глядела в глаза детям, прижималась лицом к их лицам и находила на маленьких запястьях их пульсы. Такие же цыплячи.

Иногда я сама превращалась в один сплошной пульс. Я – пульс. Пульс пульсов. Пульс себя. Пульс раздающий жизнь, как вай-фай, пульс мыслящий политически, механически, на бытовом уровне, пульс – это активная субстанция. Можно пульсом делать революцию, менять президентов на ещё более президентного, менять правительство. Можно изменить строй, политику, армию, суд. Пульс – это начало. Матрица. Это часть пульсации всеобщей. Ученые ещё не открыли корневую его суть, не проникли в код. Они думают, что такие махонькие удары – это лишь следствие. О, нет, это причина. Объединяя все коды пульса, делая его цикличным, управляемым, можно совершить революцию. Отобрать деньги у богатых и раздать их бедным. Можно двинуть войска, победить терроризм, парализовать работу иных государств, заставить Афганистан не выращивать марихуану, принудить, покорить. Не цифрой. Цифру можно обмануть, умножить или разделить, вычесть или сминусовать. Пульс не сминусуешь. Он любовь. Он политика, философия, история. Он монолог и диалог, он пьеса, он Шекспир. Надо лишь уметь управлять пульсами всех пульсирующих людей. Чтобы они забились в один такт.

И положить государство в ладонь себе. Тот, кто владеет шифром, тот владеет миром.

Я не одна. Мы вдвоём. Я и мой пульс. Я за токарным станком, вытачиваю деталь, нужную для автомобиля. Мне шестнадцать лет. Я прохожу практику в техникуме. И деталь выскакивает у меня из рук, режет мне кожу на запястье там, где пульс. Мой пульс пуст. Конечно, вызовут врача, увезут, зашьют рану. Но они не раскодируют мои удары. Они не найдут код пульсации всего человечества.

Мне всего шестнадцать лет, но я знаю нечто большее, как мне кажется, нет, я уверена, что совмещая в ритмах танца пульсы всего человечества можно добиться гармонии. Человек несовершенен. Он никогда не станет таким, как Бог. И мой мальчик пообещал на мне жениться. А мне всего шестнадцать. Он сидит в тюрьме. Я еду к нему. Это в Сысерти. Есть такой посёлок для отбывающих наказание. Посёлок никто не охраняет потому, что до него добраться трудно. Он в горах. На Урале. И в маленьком узком вагончике, мой мальчик овладевает мной. Это же так естественно. Он молод. Ему девятнадцать лет. Я чувствую биение его пульса. Затем он зачем-то мне делает предложение, обещает поехать к родителям. Но это так глупо: моя любовь уже прошла. Земное и небесное несовместимо. Земное убило небесное. Романтическое. Зачем надо было ложиться на меня? Молить: молчи! Прошу! Не бойся, это не больно! Но самое смешное, что я осталась не порочной, то есть не взятой, у меня, во мне всё осталось таким, как было, целым, не разбитым, не треснутым. Дурак, этот мой первый мужчина. Поэтому я лежу на пустоши. В пустыне себя, сотни зверей скребутся внутри меня. Нет, это не кошки, как говорит бабушка, это тигры, обезьянки. Они прыгают по волосам, запутываются в них. Слоны топчут мою грудь. Так ушла любовь. Первая. Кусок пульса отмер, словно его поместили на территорию атавизмов вместе с аппендиксом, но остальная здоровая его часть стала пульсировать пронзительнее и жизнеспособнее, моя любовь осталась в дебрях кровавых жестких слёз. Молоденькие девушки – любят протесты, они могут маршировать нагишом, могут обнажать грудёшки, могут взбираться на столы, танцуя. Я не такая. У меня есть пульс. Он должен ровно и мерно биться под кожицей. Протест – помеха этой ровности и гладкости. Итак, я переплюнула учёных. Я нашла способ управлять миром. Я трогаю пульс самого мироздания. Он гладкий по краям и хромосомный внутри. Такая твёрдая шишковатая хромосома. Она помогает мне выйти из пустыни. Из пустыни себя. Она помогает мне найти дорогу. Вы думаете, что можно деньгами управлять миром? Да, на какое-то время это возможно, ибо человек жаден, сребролюбив, если, конечно, он не атавичен. И у него не отмер орган, отвечающий за накопительство. Но за излишним богатством наступает чувство перенасыщения. Приходит пустыня. Она приходит всегда, как от излишества, так и не до насыщения. Человечество – самовоспроизводящаяся субстанция. Вы видели огромный гриб внутри вселенной – вы видели мицелии этой грибницы? Нет. Я тоже не видела. Но я её представляю, как Бог представил Адама и Еву. А те родили детей. И отчего-то Каин был первенцем. А Авель вторым. И ещё у них были сестры и братья. Их было не меньше шестисот. Воссоздавшийся сам по себе род, говорящий слово «пустыня», где жар и песок. Жар мужской и жар женский. Разные виды пульсаций. Их надо соединить. Поти, Потти! – так зовёт меня на похороны подруга Галя. Её брата привезли в цинковом гробу, такой мешочек с костями и черепом. А пульса нет. Нет лица, нет кожи, нет жил, связок. Лишь мешочек, катающийся внутри гробика. Некая субстанция для корма червяков, потому что всех надо кормить – собак, кошек, попугаев. Брат Гали холодная бомбочка без заряда. То есть без пульса. Бабочка не летящая, лаковая, с опущенными крыльшками. Потти, Потти! Так меня дразнила старшая сестра. Я не люблю эту кликуху. Мы тогда напились на поминках. Я впервые попробовал красное вино. И нет сил сказать, нет возможности распулсировать смерть. Но я найду возможность управлять пульсом. Даже мёртвые будут иметь пульс. Как часы. Они будут идентичны пульсу. Группы яростных мужчин будут приводить в движение пульсы переставшие биться, специальное колесо, будет вращаться группой мужчин, потому что это лучше, чем сидение в бане, вызов проститутки, измены женам. Индустрия раз-

врата и пошлости будет побеждена при помощи внедрения нужных ударов пульса. Полезных ударов внутри человечества.

– Потти! Потти!

Да какая я тебе, блин, Потти. Агата я. Если хотите, Анна. Как Каренина. Ей тоже нужно было следить за пульсом. Чтобы не петь прощальный плач. Помните это: «А я получила письмо из Москвы. Мне пишут, что Кити Щербацкая совсем больна...»

И эти поцелуи в лицо, в шею, бедра. Мои бедра напичканные поцелуями мужчин. Как ножами. Я пересчитываю деньги, полученные за боль, смерть, любовь. Галя, я пьяна. Потому что мы похоронили твоего брата, наверно, он был влюблен в меня. А как же! Все мальчики нашего двора были влюблены в меня. И в классе. И в техникуме. Они дрались за меня. И одного из них, кого я любила, арестовали. А ведь мы – ты, я, твой, Галя, брат маршировали вместе со студентами на каком-то глупом сборе, а потом хоронили твоего брата. Бокал вина – глупый, пьяный, сбой пульса. Больше не буду пить. Это мешает моему всеобщему процессу. Я люблю поцелуи в шею. Люблю засосы на груди. Эти синенькие червячки оставленные губастыми юношами. Брат Гали был тоже губастенький. Он из могилы, как мне потом казалось, тянул ко мне свои мертвые юношеские сомкнутые уста. Я не позволила ему тогда, когда он был жив, поцеловать себя. Недоступная – Потти! Все во дворе знали это. А тот, первый, глупый, не знал. Но не об этом страдания мои. И мысли тоже. А о том, что я была в розовом, шелковом, с рюшками и кружевами платье. Что на мне было великолепное бельё. Чулочки с резинками. Он разрушил романтику. Он убил розу мою. И я не поняла суть наслаждения. И потом лет до двадцати пяти охраняла свою нетронутость. Ибо, не разбил, дурак, зеркальце, ваниль целостную, целлюлозу. Лишь попытался вникнуть в коридорчик, чуть приоткрыл дверцу деревянную.

Не люблю писать слово деревянную с двумя «нн», вот дровяную люблю. Деревяшную. Полешную. Но дело не в нём и не в них. А в большой лжи. Вы думаете, что людей и вправду надо лечить таблетками? Этой химией пичкать? А вот и нет. Ещё в институте я поняла это. Теория проста: нас изнутри ест пустыня. Да-да! «...они едят тело моё, эти роботы белого порошка, эти аспиды эмульсий, эти бесконечные анальгины, аспирины, пенициллины, сульфаниламиды, эти могильщики наши!» Иногда ножевые ранения моего пульса мне нужны! Они вырезают из меня ненужное. Химическое. Чужое. Наносное.

Галин брат мёртв. Мой пульс так бился, что вырвал с корнем страх перед мертвецом, вырубил во мне боязнь, гной, боль, крик.

Пульс – это звезда. Звезда волчья. Бреди сорок лет по пустыне. Води людей за собой. Стань одиноким Иовом. У меня плохое образование. Я путаю имена. Даты. События. Это даёт сбой пульс. Я его плохо настроила. У него ошибка в программе.

Но я всё могу исправить.

Я изобрету прибор для людей. Каждому по прибору. Токи высоких пульсов. Люди будут читать лишь то, что предложит мой пульс. Они не станут брать для чтения пошлые романы. Эти детективчики безъязыкие, эти дамские книги про сплошные измены, секс, смерти. Эту дурь.

Иду по улице. Мне не надо спрашивать путь. Мне не надо просить закурить, мне не надо продавать свои книги. Мои книги расходятся сами собой. Они лечебные. В них зашифрован код пульса. Кто расшифрует, обессмертится. Именно в последней главе – убьют дракона. Найдут скрижаль. И четыре брата встретятся.

Лишь надо дочитать до последней главы. Иди со мной. Иди! Пробирайся! Допей своё пиво. Сделай последнюю затяжку, допей воду, я сижу одна на крыльце. И рыдаю по всему человечеству. Идите ко мне все! И ты иди! Нет не тот, кто дурак. А умный. Должен же где-то он быть. Меня достойный? Не пьянчуга, как тот врач, влюбившийся в меня, одинокий. Не гастроэнтеролог Серж, отправивший меня в онкобольницу, тоже влюбившийся неожиданно. А ведь женатый, подлец! И это его вкрадчивое: сдай анализы. Ага! Хрен тебе!

Лишь ты!

Ты!

Равный мне. По ударам пульса. Да, пусть, ты пока с другой. Но я – та самая! Ты искал меня, ждал, молил всю жизнь. Вот умрешь, как брат Гали, и не найдёшь меня! Будь с другой пока. Будь в другой. Но встретив меня – узнай!

В созерцаниях, в биениях, в ударах пульса. В людях, стоящих у экрана. В людях спорящих. Сгорающих, тонущих, болящих, воюющих, ибо везде война. Пульс тоже война. И мир. Как у Толстого. Я бы так и сказала война и мир пульса моего.

Ты пал. Ты не дошёл. Поэтому я должна пойти туда, вызволить тебя. Ибо дракон уже родился. И скрижали начертаны. А воронка крутится. Как жернов.

ПИСЬМО ИЗ НИГЕРИИ на электронную почту Агаты Потти:

«Товарищ Потти! Мой моб: +234 803 3910079, я адвокат Олуфемиде Лиджаду. У меня есть важное сообщение для вас о несчастье – г-н Дем Лемиде Потти, кто есть моим клиентом гражданином вашей страны, что несёт тот же фамилию с вами, и его фонд оценивается в US 313.580 млн. долларов есть в одном из банка здесь, в моей стране Его в результате аварии, но г-н Дем Лемиде Потти жив, он в коме. Если ваша фамилия на самом деле (Потти), любезно свяжитесь со мной, как только вы получили это сообщение для того, что бы позволить по доверенности Вам распоряжаться имуществом на время его неизлечимой комы. Пожалуйста, свяжитесь со мной для более подробной информации и как поступить. Я жду вашего срочного ответа.

Вы можете взять эти деньги себе, по усмотрению. Г-н Демиде Лемиде Потти так распорядился. Если болеть, то вы хозяин»

Кто из нас не получал подобного рода писем? Но никто не верил им.

Есть письма намытые рунами. Как золото, добытые из недр. Их не просто читать, а вдыхать. Письма любимого.

Под песню Виктора Цоя « Мой дом был пуст, теперь народу там полно», Агата рожала сына, находясь в палате.

...Здесь прах мощей погаснувшей звезды.

Это песня.

Да, да!

Потти слушала её и размышляла. Понятно, что письмо – это развод, лажа, лохотрон, обман. Взрослый сын Бонифаций Потти просил Агату выкинуть из головы подобные мысли: какой дед Дем?

– Дмитрий. Дедушка Митя. Он мог так поступить. Он мог обрюхатить бабушку. Свалить на комсомольскую стройку, на борьбу против буржуев за свободу простого рабочего люда в Нигерии. И теперь лежит там один после аварии в больнице. . .И его деньги хранятся на счету в банке.

– Где там?

– В Испании.

– А письмо из Нигерии.

– А лежит в испанской больнице. Поехал путешествовать. Сел за руль мотоцикла пьяный. Скорость. Полет! Его пальцы теперь похожи на мармеладные червячки-кислячки. Дед Митя лежит с перевязанной головой, с изуродованным телом. И теперь – Потти единственный человек, который может помочь деду. Для этого надо снять часть денег со счёта и оплатить лечение. Теперь весь мир ждёт от Потти решения, ждут адвокаты из Нигерии, врачи из Испании. Всем вдруг стала интересна она! Хотя до этого никого не интересовала. Её словно пришили тонким швом к процессу, произошедшему далеко за тысячи километров. Поэтому жизнь Потти изменила форму, она стала узкой, стянутой по шву, мысли по ночам выглядели так, словно их неверно скроили, не по лекалам, мысли-тюрьма, мысли-раны. Потти видела себя снова в роддоме: на ногах чулки, стягивающие вены. Между схватками Потти вставала, чтобы умыться,

а когда возвращалась обратно, то чулки набухали кровью, а бязевая рубашка и халат, купленный в лавке китайских товаров напоминало дерево. Станный рисунок был на халате: хвост птицы лежал на ветке магнолии. Потю шла по коридору, её волосы запутались на затылке. Коридор бессолнечный, тусклые лампочки едва светили, тень Потю дробилась на множество теней, и все, как маленькие китайки, двигались за Потю. А пальчики Бонифация напоминали кислячки, когда его и Потю выписывали из роддома.

Теперь дед Митя лежит там, в далёкой больнице, спеленатый, жалкий, ничейный. Лежит без трусов в памперсах, без движения и зовёт её – внучку Агату Потю.

Дурацкая фамилия Потю! Но фамилия Непёхина по мужу ещё хуже. Муж был невысокого роста. Спортсмен. Он уезжал-приезжал. Затем приезжал-уезжал. У него были медали – серебро, бронза, золото.

ПЕСНЬ

Космос замер. Затих. На часах только вечность. Полмира
в красном ситце. Окно, где Европа. Футбол.
Сотворю из России сама же себе я кумира.
Дилетантка, болельщица. Что смыслу в схватках турнира?
И какие слова знаю, кроме пенальти и гол?
Но Россия – щедра, но Россия моя – хлебосол.
Понаделали кваса. И солнце своё запалили.
Кока-колу под стол и закваску иных кока-кол.
И кричала она, и махала: судью, мол, на мыло.
Ей не надо 5:0,
ей не надо 3:0,
ни 2:0.

Вот представьте, как было: футбол, как иная юдоль,
как больная мозоль, как на раны шипучая соль.
Наш футбол:
шар земной на космическом поле бездонном,
вновь качаются оси земные, скрижали хрипят.
В сапогах грубых Сталин, и трубку он курит, колонны
вдоль Тверской. И на площади Красной парад.
Спорт отряд.
Нет, не в нашем столетье гламурном.
А ещё в пиджаке Сталин в грубом, овчинном, суконном.
Мой отец за «Динамо».
Не продан. Не пропит завод!
После нас разорвёт.
На пятнадцать республик растащит.
Мы – не СССР. И почти уже – не СНГ.
Я смотрю телевизор. Смотрю теле-бред. Теле-ящик.
Там одно только «Г»!
И 5:0, и 3:0, и 2:0.
Кучка из богачей. Остальные такая же голь.
Перепутали что ль? Вы наш возраст с размером
всех пенсий? И повысили возраст. А пенсия – шиш. Просто боль!
Бумерангом из космоса к нам возвращается – нате!
Как мячи к нам в ворота. И счёт на столетья уже.
И дерутся хорваты. И в Нижнем у нас на закате
продолжаются матчи. Пикируем на кураже.

Ешь драже! Квас хлебай. Рюмку водки
пей до дна. Ось земли на кленовом ковше
еле держится. Счёт наш короткий
и не в нашу он пользу. Мир весь в галдеже, дележе.
Не хочу, чтоб 5:0, а хочу, чтоб 0:5 приключилось.
Чтоб свершилось. Внедрилось. Взросло. Всколосилось. И – в высь!
За космический взмах. За крылатость. Я за справедливость.
За «Динамо», однако.
Отцовское сердце, не рвись!

Но оно разорвалось ещё до замужества Агаты. На кусочки, видимо, на частицы. Его похоронили под берёзой. И когда говорят про берёзы плохо, Агата обижалась. Это была личная обида. Словно её называли уничижительными словами, этими слогами и суффиксами в уменьшительной форме. За берёзы обидно. За деревья. За их трепещущие листочки. Серёжки, хоро- воды на Троицу. Пить сок из дерева, что это? Это же не трава, не куст, не ягода. А соки ручьём из ствола текут в стеклянную баночку. В норку горлышка. Сок течёт из раны в боку берёзы. Этот сок можно глотать, прижимаясь губами к банке, ко краю. Ямка, из которой вытекает сок берёзовый, словно дорожка в иной мир. Она пульсирует. Можно касаться языком тонких струй, трогать пальцами, которые тут же становятся липкими от сахара. Берёзовым соком можно, как чернилами выводить буквы на бумаге. Пальцы становятся карандашом, авторучкой, пишущим инструментом. Тонкие гибкие пальцы на листочке. Мохнатые первые шмели вырываются сонно наружу, надевая на голову капюшончики глаз. Такая зеленоглазая оконечность туловища. Сладкий сок льнёт к лапкам, их приходится чистить хоботком. Приезжать из леса всегда приятно. Нет, Агата не нарочно ездит в лес, просто лес сам движется к дачному забору, к шатким дощечкам, охраняющим клубнику. Дождём можно тоже мыть руки, его много в лужах между бороздками. Сын учится в третьем классе, ездить на дачу с Агатой, он ленится.

– Бонифаций! Это я! Мама твоя... молока принесла. Берёзового.

Сначала за дверями легкий шумок, затем топот лёгких ножек, ближе-ближе. Затем поворачивается ключ в замке. У Бонифация крепкие ручки, толстые пальцы. Мускулистое тельце. Сын ждал. Соскучился. Привет, Ниф!

Ниф-Ниф – персонаж сказки, у него есть братья Наф-Наф, Нуф-Нуф. Потому, что в сказке у всех есть братья и сёстры. У Нифа нет братьев. Лишь мама Агата Захаровна Непёхина. У Бонифация карие глаза, русые волосы. Бусинки пота на его лице.

– Ты съел кашу?

– Нет. Она остыла.

– Хорошо. Тогда сейчас разогрею суп.

Руки сына ровненько сами кладутся на обеденный стол. Ноги он подгибает, садясь на стул. Ест с аппетитом. Милый, милый, милый! Про бывшего мужа – Непёхина вспоминать не хочется. Ну, был, сплыл. Ничего особенного, не сошлись характером. Пьяница. Причём запойный. Ушёл тихо, не колеблясь, словно ждал, когда дверь сама распахнётся. У него были лёгкие прикосновения рук, если можно так сказать. Как дождь. Именно, были прикосновения рук. Не сами руки запомнились Агате, а пальцы, как будто их надо окунать в берёзовый сок, чтобы написать фразу. Единственную верную фразу: «Уходи!» Капюшончик сердца слегка дрогнул. Слепые капли дождя. Да они ещё и глухие! Подумалось Агате. Слепоглухонемой дождь. И сигарета, которая погасла от влаги. Только бывший муж может так уходить. Слепо. Глухо. Немо. Под дождём.

– Отчего так-то? Ты же всегда считалась красивой! – подруга Галя выдохнула в трубку телефона, когда Агата позвонила ей.

– Внешность и счастье это разные вещи...

– Да? А я считала, что совместимые.

ВТОРОЕ ПИСЬМО ИЗ НИГЕРИИ ОТ Олуфеме Лиджаду БЫЛО БОЛЕЕ НАСТОЙЧИВЫМ И НАХАЛЬНЫМ

«Леди, Потти, я вам уже высылал документ – г-на Дема Лемми Потти с розовыми печатями в подтверждении вашего преимущества. Но вам надо уплатить пошлину в размере одного процента от данной суммы, которая находится на счёте вашего деда. Деньги переведите на мой счёт как доверенного персонажа.»

Агата рассмеялась до слёз: глупо! Как по-дурачки! Откуда у неё такая сумма – более миллиона долларов для оплаты пошлины на пересылку? Даже от продажи двушки в центре города можно получить не больше двадцати тысячи баксов. Письмо Лиджаду было отправлено в спам. Но на утро Агата решила позвонить по указанному номеру. И, о, ужас, оказалось, что данный адвокат действительно существует и работает в Юридической фирме по адресу: 2 floor, Sterling Towers

20 Marina Street Lagos. Конечно, никаких пошлин Агата платить не станет. Но адвокат оказался настоящим, действующим. И даже на русском он подтвердил, что писал госпоже Потти письма.

– Прошу, более мне не пишите! – выкрикнула обиженная женщина. – Лиджаду, гореть вам в аду.

Адвокат призадумался. Затем вздохнул и промямлил о кей.

Хоккей! Трус не играет в хоккей, хоть убей, хоть забей, хоть раздень, хоть согрей.

Письма прекратились.

Авантюрист хренов! Авантюристище! Скольких он граждан так может развести на бабло? Иди, корми сусликов! тушканчиков! греческих мышей! столбовых крыс!

Когда Нифу было три годика, Агата водила сына в зоопарк, и там они кормили тушканчиков. Зерном и травой. А когда ездили в гости к Гале, то видели на дороге суслика. Он одиноко вытягивал шею возле норки в поле. Солнце садилось, оно своими рыжими лучами освещало такого же рыжего суслика.

...Так выглядит столп соляной на закате пещерою норки. Так выглядит всё запредельное и не понятное сразу. Вам столп соляной, а ему – небу, может, подпорка в колючках прилипших и тлеющих комышках грязи. На поле всегда так: смыкания ли с горизонтом, соитие с облаком медленно, грешно, обманно! И Флавия возглас – он между ушной перепонкой течёт в разногласии и подсознании между. Так гибельно всё! И метёлочка травная шерсти, прилипшая гусеница, словно бы их из горящего града, объятого пламенем вынесли с криками вместе и Лота жена облачённая в соль, в пепел адов. А поле качается мерно, как Мёртвое море и в нём отражается глыба асфальта горою. Не помнить как мне? Ибо там застывают в укорю, в своём непростительном... Страницу никак не закрою прошедшей я жизни. Как имя забуду? Коль второе, коль вдесятеро вырастает, поёт колокольно. И тело своё, как от соли саднящей отмою? Объятий, касаний, твоих поцелуев? Довольно столпом мне стоять! – Голоса, голоса слышу в поле... Кричит, как в истерике женщина в Мёртвое море. Как смыть

поцелуи мне грешные, словно бы жерла на теле, на бёдрах, груди. Ни один я не стёрла, и солью застыли они твёрдосплавно, упорно. Как выдрать слова, что вослед: «Оглянуться не вздумай!». Как имя убить мне твоё, на вулкане как сжечь мне? (Женою быть Лота не просто, несладко-изюмно. Женою быть Лота – одной из солёных быть женщин.) Так нас уверяет история древнего мира. Так нас уверяет взглядевший Иосиф Флавий. Так нас добывает огонь, испещряет на вырост. Вот так в соль вращаем, рождаясь из звёздных пробирок. Вот так и живём, имена дорогих в память вплавив...

Развод с мужем не принёс ни счастья, ни облегчения. Агата долго стояла под душем, пытаясь смыть с себя, как ей казалось, остатки его прикосновений. Запах, слова, дыханье. Но

это было бесполезно. Сын Бонифаций-Ниф – точная копия Непёхина. Ребёнка не ототрёшь. Не скажешь ему: будь похожим лишь на меня, маму твою. Любовь вообще странное чувство, оно не пропадает, не укорачивается, не сжимается. Оно, как химическая реакция, как атом, который расщепляет реактор. Но развод с Непёхиным – это жизненная необходимость, чтобы сохранить цельность ядра. Ибо муж, напиваясь, стал распродавать вещи, бытовую технику выносить из дома. Даже последние золотые серьги – бабушкин подарок и те пропали. Непёхин стал жить с пожилой медсестрой, а затем они уехали куда-то бесследно. Видимо, всё-таки ванна, мыло шампунь, душ и прочие косметические процедуры – помогли Агате смыть остатки прежней жизни. Чистота – залог не только здоровья, но и сохранности вещей маленького семейства Поти.

Но иногда накатывало... и ни раз, ни два. А годами. Столетиями этих годов. Тысячелетиями дней. И все призывы давайте радоваться за людей. И все ангелы сострадающие, сопричастные, белеющие, раскидистые, накрывающие, словно отстранялись в такую минуту. Ибо оказалось, что Непёхин с новой женой перестал пить, ругаться, устроился на работу, освоил трактор, сеялку. И работает себе с песнями и деньги домой приносит все до копейки. А вот с Агатой только пил. Так пусть сорадуются ангелы, сообщаются, сопричастуются. Потому что оказалось: у Агаты холодное сердце, поэтому Непёхин не чувствовал тепла. Это как книги Ленина, которые Агата изучала в Университете – большие, мудрые, правильные, а не греют. А изучать приходилось, конспектировать, делать пометки. Но провалиться с головой не подучалось. А хотелось упасть в их колодец. В штольню. И надо было учиться на вечернем отделении, кормить грудью сына, а ещё находить деньги на прокорм семьи.

Агата по профессии сурдопереводчица. Руки. Пальцы. Буква «о» – подушечки большого и указательного пальца соприкасаются. Когда Бонифаций учился в институте, Агата решила уйти с работы: вымоталась, хоть вой. Но сын сказал: «Мам! Возьми отпуск. Административный. Отдохни. Уйти всегда успеешь!» «Хорошо», – согласилась Агата. Сила убеждения взяла верх! Перевесила чашу весов.

Весы равновесия, какие они?

ПЕСНЬ

Тела звезд, что канонизированные святые.

Идёт развенчивание мифов про пьянство, дураков, дороги.

Скоро изменится мир! На круги свои круговые
всё вернётся. Закрепится. И мы получим в итоге:

правду, добро, справедливость, которые добывали веками!

Высекали, как талантливая Мухина Вера –

незабываемый наш скульптор, вырубая из камня

горн к горлу прижатый, мустангова чья биосфера.

Но мы выстояли, выжили. Отрастили сердца, что царьградские.

Те, кто ещё не понял, тому бесплатно мой щит!

Помните битвы на Волге, Курск и бои Сталинградские.

Сколько бы нас не ломали, а внутри монолит.

Дороги? Построим. Есть опыт через тайгу за Белое море.

Дураки? Дурь их по вывеетрим. Накормим вкусно. Сами поумнеют.

А пьянство? Да откуда ему быть на таком просторе?

И пить-то некогда: надо восстанавливать, строить скорее.

Возвращать утраченное, стёртое, размытое, незыблемое.

Истину истин. Первооснову. Товарищество. Быт.

Да сколько можно, каждый раз корытами битыми

заклеивать сердце, что сильно болит.

Эй ты, Европа, памятник маршалу Коневу

возверни на место, взгуди его на постамент!
То, что было низвергнуто, охаяно да уронено,
выкорчевано, выдрано с корнем верни на свой континент.
Надоело твоё безбожие! Садам. Жены Лотовы.
Им, этим женам не отмыться от соли, от слёз.
Что за музыка? Что за пение? Этими черными нотами.
Хватит уже. Насытились. До тошноты передоз!
И Америка тоже со своими алькайдами,
с выращенными душманами в марихуанских полях.
Выгодно ей наркотиками. Выгодно ей дурманами. Выгодно злыми ядами.
ей торговать в зеленях.
Доллары, доллары, доллары, кровушки сколько вы выпили?
Стоны, что в бронзе отлитые. В камне его палачи.
Сколько нас можно обманывать? Ложь лить цистернами, литрами?
Жить нам во благо богатеньких, вкалывать за гроши?
... Мир меняется. Преображается. Расцветает зорями.
Перламутрами, янтарями, сапфирами. Так будет всенепременно.
Столетьем больше, столетьем меньше. Когда? Не гадалка я. Горе мне,
жаль не увижу. Не доживу до такой перемены.
Зато доживут мои строки. Мои жемчужные звонницы, мои золотые купола.
Мои знаки восклицания. Строки восклицания. Стихи восклицания.
Не будет орудий, бомб, мин, ножей, двуглавого орла.
Наступит эпоха всепроцветания.
Сколько можно носить в себе ношу всех цивилизаций?
Хочу развеять её, как пепел, как горячую соль, как жгучий уголь!
Не путём уничтожения. Не сменой власти, реинкарнаций,
переселением душ, перемещением стран, обманом, гуглом.
А путём бессмертия. Есть такой путь любви и доверия к людям.
Изменение программы всего человечества
без Брута, Каина, без хромосом Иуды,
без генетики Понтия Пилата, без ребер его и печени.
Тела звезд, что канонизированные святые.
Их светом омыть лицо, плечи, грудь, крестец.
Пеленать нежностью младенцев, чтоб не простыли
шёлком, ситцем, хлопком, шерстью овец.
Закутывать, ласкать, учить самому лучшему,
самому правильному, самому доброму, самому людскому.
Чти. Не воруй. Не убивай. Свети, как лучи.
Будь каждому встречному очагом, кровом, домом.
надо выращивать новое поколение с нуля!
Переучивать поздно. Нужна новая школа.
Доброта, всепрощение. Терпение. Всем поровну, всем земля, роща, тополя.
Надо лучшее вкладывать в голову.
Продышать новый космос.
прорыдать новые небесные тела.
Выносить недоношенных, недовоспитанных, несовершенных.
... Я так думала, когда сына я родила.
Я так думала празднично и блаженно.

Слушать песни Агата любила. Особенно такие, необычные. Отпуск был уже оформлен. Тем более из-за коронавируса начальству было лучше, чтобы работники посиживали себе дома, не разносили по офису свои чихания. Покашливания. И прочие слюнявые делишки.

Вот хотя бы на миг представить, что никакого вируса не было – ни уханьского, ни миланского! И вообще все болезни – это выдумка. Как бы жили люди: процветали, богатели, ездили куда хотели! А ведь Агата почти уже изобрела нужный прибор. Купила изящный генератор, преобразователь частот. Единственно, что удручало Агату: где взять нужный аккумулятор? Такой изящный, настольный, который можно поместить в дамскую сумочку? Суть изобретения Агаты сводилась к тому, что в человек удары пульса имеют свою частоту, долготу. А человек – это небольшая электростанция. Плюс электрификация всей страны.

Читать книги Ленина Агата приурочивалась каждый вечер. Не для того, что она была убежденным революционером. Скорее, наоборот. Агата искала нужные её ответы. Ибо приборчик, изобретаемый ею, должен иметь философию и смысл. Если обозначить изобретение как способ лечения, то это банально. Сколько уже существует подобных вещей. Как патентованных, так и не имеющих патента. Сколько хочешь оздоравливайся, была бы настойчивость. А вот помочь всем – это надо быть Лениным.

Или Колумбом. Или...или... Ньютоном. А, может, Галлеем?

Агата ощущала себя маленьким алхимиком.

Тем, кто ещё помнит рассказы мамы, бабушки, тётушек о их жизни. Как они вышивали, вязали, носки штопали. Агата тоже помнила, у неё хорошо получалось заштоповать узорчато и аккуратно носки отцу. Агата в третьем классе носила перелицованное пальто. Непёхин как-то из-за границы привёз кассетный магнитофон, Агата помнит эти большие коричневые тонкие ленты на бобинах. Помнит настоящий запах финского сервелата, который привозил отец из командировки в столицу. Помнит коллекцию спичечных коробков, баночек из-под майонеза. Помнит мамино тонкой работы серебряное ситечко, помнит, как свекровь собирала полиэтиленовые пакеты, а перед этим стирала их в хозяйственном мыле. А ещё помнит Агата большие пакеты с затёртой надписью Мальборо, потому что эти пакеты использовала вместо авоськи. Помнит духи «Сирень» произведённые в Прибалтике. Помнит наклейки, переводилки, самодельные конфеты из вафлей и дешёвой плитки полушоколада. Помнит украшенные потолки из кусков, вырезанных обоев, помнит чёрно-белые фото, где она сидит на стульчике. И Агата, как маленький алхимик, пытается доказать, что именно это было полезно для людей. Эти письма, открытки, этот почерк на бумаге. Именно он передаёт ритм пульса. Галя не верила в сверхизобретение Агаты, но трудолюбиво помалкивала. А вдруг?

На самом деле – это всё: правда. Как-то будучи в Москве в одной из аптек Агата взяла со стеллажа бесплатно раздаваемую книжицу. В метро Агата прочла её. И усмехнулась. Это было пособие, как надо привлекать нужные мысли для выздоровления. Например, если у вас высокое давление, то надо раздеться до пояса, выйти на свежий воздух и прокричать сорок раз: моё давление сто двадцать на восемьдесят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.